

ПИЛИГРИМЫ НЕ СПЯТ

Уже больше недели она жила в одной из комнат его негостеприимного дома, но он никогда не видел ее лица. Светлое вытянутое облако приближалось, отдалялось, плыло и исчезало... Нет, не так. Опыт и обострившиеся за последние годы чувства подкидывали ему эти скучные картинки. Вот и вся правда. Андрей не удосуживался поворачивать голову в сторону новой помощницы — бессмысленное занятие в его непростой ситуации. Во-первых, он практически лишен зрения. А во-вторых, она проработает недолго, так какая разница...

«Не сомневаюсь, что у тебя русые волосы и в одежде ты предпочитаешь светлые тона... Откуда я знаю? Понятия не имею. Но твое биополе именно такое».

Андрей бы не думал о ней. Совсем бы не думал. Тем более что девушка была бесшумна и ненавязчива. Но именно ее бесшумность непонятным образом напрягала все мышцы спины и рук и сначала бесконечно нервировала, а потом сглаживала душевный непокой. И однажды, когда в очередной раз на углу письменного стола появился поднос с яичницей и беконом, бутербродом с сыром и кофе, он все же оторвал взгляд от ноутбука и покосился вправо.

Завтрак. Андрей угадал, что именно она приготовила еще до того, как тарелки и чашка оказались

ЮЛИЯ КЛИМОВА

рядом. По запахам. Мозг разделил их, разнес по столбцам, а затем соединил точно так, как и предполагала рецептура несложных утренних блюд. Все, что Андрей мог увидеть, — расплывчатые пятна посуды и плавные движения рук. Не сами руки. А именно движения.

— Как тебя зовут? — произнес Андрей, не поднимая головы.

— Нина.

Тихий ответ. Осторожный, будто она идет по хрупкому льду и нельзя ошибиться.

«Нужно было запомнить ее имя, сейчас бы не пришлось спрашивать».

Андрей сдержал порыв взять Нину за запястье и притянуть ее руку к лицу — так, чтоб носом коснуться кожи. Тогда бы он увидел. Довольно хорошо увидел бы ее пальцы. Но не будет же он пугать девушку из-за простого сиюминутного любопытства, от которого через пару секунд не останется и следа. Хотя... она знала, к кому устраивалась на работу, так что вряд ли испугается. Но все же будет трудно ей объяснить, что ему удобнее знакомиться с людьми подобным образом.

— Хорошо, спасибо, — торопливо поблагодарил за завтрак Андрей и тоном дал понять, что вопросов больше не имеется.

Он обернулся, когда Нина уже достигла двери, и отметил, что не ошибся: и волосы, и одежда у девушки светлые.

«И это усердное облако явно ниже меня ростом, — усмехнулся Андрей и, проигнорировав яичницу, взял чашку с кофе. — Многоуважаемая Нина, если ты не начнешь шуметь, я все же буду считать тебя привидением».

Я пришла, откройте дверь

* * *

Тремя неделями ранее

Он с детства дразнил Марину занудой, хотя при этом никогда не считал ее такой. Андрей хорошо помнил, как сестра дулась и показательно злилась, получая от него порцию едких шуток. Но все же не сердилась. Привычная игра. Удивительно, как легко жизнь поменяла их ролями... Когда умерли родители, Андрей взял на себя заботу о шестнадцатилетней сестре, а потом, после аварии, подорвавшей его здоровье, Марина окружила вниманием Андрея и терпеливо боролась с его недугами. И это при том, что у нее есть муж и двое детей: Петька и Колька, названные в честь дедов. Те еще сорванцы.

Остались позади ссадины и ушибы. И правая рука не подвела, хотя в переломе мало радости. Через полгода ушла хромота и был позабыт костыль с удобной опорой под локоть. Но зрение безнадежно падало день за днем, пока не остановилось на определенной отметке, которую очень хотелось назвать: «Конец всему». Однако Марина не позволила ее так называть, тем более что врачи оставляли призрачный шанс на... Неизвестно на что. Слишком уж случай странный. Теперь Андрей наблюдал лишь мутные пятна, но если приближал предмет очень близко к глазам, то его зрение, наоборот, обострялось лучше прежнего и он видел не только все трещинки и нюансы до миллиметров, но и что-то еще... Точно в его голове вдруг включался стереомикроскоп, щедро одаривая возможностью изучать различные характеристики микрообъектов. Уди-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

вительно... Вот только жаль, что целый мир притянуть к себе невозможно.

«Известный писатель-фантаст Андрей Копылов 18 апреля попал в автокатастрофу... ДТП произошло на 45-м километре трассы... доставлен в больницу... множественные переломы...» Сдержанный текст из новостей, впоследствии раздутый желтой прессой: инсценировка ради пиара, месть брошенной любовницы, попытка самоубийства... Всякая чушь. А просто один придурок выскочил на встречу, и машина Андрея оказалась в ненужном месте и в ненужное время...

Авария произошла пять лет назад. Но как же ярок тот день в памяти! Правда, ровно до той минуты, когда раздались удар и скрежет.

— Я не могу уехать в отпуск, понимаешь?

Марина расхаживала по комнате. И Андрей, развалившись в кресле, закрыл глаза, чтобы не видеть этого непрекращающегося движения.

— Отчего же? — он сдержал усмешку. Конечно, не секрет, какие доводы по пунктам будут озвучены сестрой.

— И почему ты расстался с Илоной именно сейчас... Подождал бы до сентября! Два года вместе прожили, вот еще бы месяц продержались, и я бы спокойно слетала в Турцию.

— Жизнь слепого писателя оказалась гораздо скучнее, чем предполагала Илона, — улыбнулся Андрей. Никакой боли от расставания не было, пожалуй, он даже испытывал некоторое облегчение.

— Да? — Марина фыркнула. — Я потом читаю тебе ее интервью. Не пойму, кто из вас фантастику

Я пришла, откройте дверь

больше любит: ты или она? То ты Илонку чуть ли не поработал, то ревновал с утра до вечера, то просил придумывать сюжеты для романов... Она, видите ли, устала работать твоей музой! Представляю, сколько ей платят за это многоярусное вранье. Как ты вообще с ней жил? Как спал с ней?

Андрей открыл глаза. Марина перестала метаться и просто встала напротив.

— Наверное, инстинкты одержали победу над разумом, — с иронией ответил он.

— Скорее всего!

— Отправляйся в отпуск и не беспокойся. С чем, по твоему мнению, я не справлюсь? Это смешно.

— Да ты сутками не ешь и не пьешь, когда пишешь свои километровые романы. Спишь по два часа и куришь столько, что пол напоминает землю Помпеи! Ты превращаешься в сумасшедшего пилигрима, странствующего по вымышленным мирам, давным-давно потерявшего координаты и ориентиры! Каждый раз, когда я вижу тебя в таком состоянии, я задаюсь вопросом: а вернешься ли ты вообще в нашу реальность? Или застрянешь в каком-нибудь проклятом несуществующем городе на веки вечные? Андрей, кто-то должен готовить еду и приносить ее в твой кабинет. И кто-то должен ставить твой мобильник на зарядку, потому что сам ты этого не делаешь и я потом схожу с ума!

— Нет.

— Да.

— Зануда.

— Выживший из ума писатель.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Ну, это аргумент... — Чуть помедлив, Андрей засмеялся.

— Еще какой!

Андрей вновь закрыл глаза и полетел в прошлое, мысленно задевая углы тех или иных событий. Успех к нему пришел в тридцать пять: встречи с читателями, восхищенные статьи и отзывы, автографы, многотысячные тиражи, две экранизации, портреты чуть ли не в полстены в каждом книжном... Он не просто владел словом, он превращал его в скальпель, разрезающий прошлое, настоящее и будущее. Никто бы не назвал сюжеты его фантастических романов банальными. Даже завистники не посмели бы. Андрей погружался в иные миры с головой, терял ощущение времени и выныривал лишь для того, чтобы подписать новый договор, одобрить обложку или провести короткий отпуск в каком-нибудь городе, где погода сдержанна, а маленькие ресторанчики дразнят прохожих ароматами кофе и свежей выпечки. На отдых он отправлялся или в одиночестве, или с Мариной и ее шумной семьей, или с той женщиной, которая в данный момент была желанна. У Андрея случались длительные отношения, но ничем серьезным они не заканчивались...

А потом, после трех лет ошеломительного успеха, — авария. И кто знает, может, иные миры и спасли его, не дали загнуться. Боль мешала спать, но пальцы помнили клавиатуру. И всегда был главный герой, который выбирался из бездны на поверхность и надеялся на спасение, хотя не имел при этом каких-либо гарантий... Андрей положил ногу на ногу и тяжело вздохнул. Ему уже почти сорок четыре. И, по сути, он один. Илона ушла.

Я пришла, откройте дверь

«Теперь придется искать толкового секретаря. Ничего хорошего со зрением не будет, если продолжу водить носом по экрану ноутбука... Яркий свет ослепляет, и потом болят глаза... Но Марине лучше не знать об этом».

Андрей познакомился с Илоной в литературном агентстве, куда его пригласили как почетного гостя. Он сразу уловил ее желание понравиться, искренний восторг и уже на третий день ощутил острую потребность приблизить Илону к себе, чтобы наконец-то разглядеть лицо.

«И в такие моменты ты хорошо видишь, да?» — с долей любопытства тогда спросила Илона, и Андрей, не раздумывая, впервые ее поцеловал.

Она мечтала стать женщиной известного писателя, а он соскучился по стабильным отношениям. Вроде все по-честному.

Илона перебралась в большущий дом Андрея через два месяца. Теперь раз в неделю на пороге появлялась бригада уборщиц, а на завтрак, обед и ужин приезжала готовая еда. «Дорогой, мои подруги интересуются, когда ты посвятишь мне книгу? Что им сказать?» У Андрея не было ответов на эти вопросы, и он лишь пожимал плечами. Подруг Илоны он не терпел, они всегда смотрели так, будто он лишился не зрения, а головы. Андрей чувствовал это.

Иногда Илона читала ему отрывки рукописей каких-то бездарей и просила помочь с изданием книг, иногда обещала журналам и сайтам первые главы его нового романа, иногда заводила разговор о публичности: «Ты должен мелькать везде, где только можно.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Ты же знаменитость!» А иногда она делала все, чтобы Андрей ревновал. Только он не умел ревновать ту, которую не любит.

— Ладно, найди кого-нибудь тихого и незаметного, — сдался Андрей, но лишь потому, что хотел сделать приятное Марине. Он плохо переносил длительное присутствие чужаков в доме. Андрея нервировало то, что он не видит выражения лиц гостей, и в этом он никогда не признавался ни себе, ни другим.

* * *

На завтраки она приносила или яичницу, или омлет с разными добавками, или бутерброды с сыром. И лишь дописав пятую главу, Андрей отметил это однообразие и шумно вздохнул. Хотя не испытывал никакого недовольства по данному поводу. Батальные сцены требуют полного погружения, и тут не до пережаренной глазуньи, посыпанной мелконарезанным укропом...

С одной стороны, Нина могла бы приготовить что-то еще, с другой — никакую молочную кашу он точно бы есть не стал. Собственно, благодаря этим, уже традиционным, блюдам Андрей и понимал, что на дворе утро... Кто придумал ночь? И зачем спать и терять драгоценные минуты и часы?

Откинувшись на высокую спинку черного кожаного кресла, он временно расстался со своими героями и попытался вспомнить, когда заходила Нина.

Десять минут назад?

Пятнадцать?

Я пришла, откройте дверь

«Не так уж и хорошо она готовит... Похоже, Марину обманули, всучив восторженные рекомендательные письма. Интересно, где она отыскала эту девушку?»

— Девушку... — произнес Андрей, пытаясь угадать, сколько лет Светлому Облаку, скользящему по полу его дома.

«Двадцать два? Двадцать семь?.. Непонятно. Имя она произнесла слишком тихо, по голосу не разобрать».

Андрей понял, что мысли о Нине вырвали его из сюжета. Досадливо поморщившись, он встал из-за стола, заложил руки за спину и принялся расхаживать по кабинету. В три он позвонит племяннику Кольке, и тот прочитает вслух написанное вчера и сегодня.

«Отправлю файл чуть позже. Потом надо бы позвонить в издательство... А когда Нина обычно приходит за посудой? Марина права, я чокнутый пилигрим. — Андрей остановился и провел рукой по волосам, убирая их назад. Надо бы принять душ, почистить зубы и попросить еще кофе. — Почему-то некоторые моменты от меня ускользают... Слишком много шляюсь по чужим мирам, как сказала бы Марина. — Он улыбнулся. Сестра ворчит, но, конечно же, знает, каким спасением и удовольствием является для него писательство. Он бы не променял состояние пересечения реальности с вымыслом ни на что. А часто и нет пересечения — сплошной вымысел. — Интересно, в какой комнате живет Нина?»

Дверь открылась, и на этот раз облако оказалось бледно-розовым. Оно медленно устремилось к столу, но потом замерло.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

«Да, я стою и смотрю на тебя. Но не волнуйся, — Андрей мысленно усмехнулся, — я все равно ничего не вижу».

— Можно забрать посуду? — тихий робкий вопрос.

— Да.

— Вам не понравился завтрак?

— Не понравился. Ты умеешь готовить что-то еще?

Подходящее... — Он осекся, понимая, что тон слишком резок, и к тому же огорчение Нины мгновенно задрожало в воздухе. Эта вибрация была хорошо ощутима.

«Что она приносит на обед? Курицу, картошку, свинину, гречку, салат...»

— Извините...

— Сырники изобразить сможешь?

— Да. — Кажется, в голосе прозвучала радость.

— Хорошо. Жду.

«Отличница она, что ли, по сырникам? — закатывая рукава рубашки, подумал Андрей. Усталость напрягла мышцы спины, сковала шею, и он потрянул головой, пытаясь прогнать эти неудобства. — Поем, и спать. Часа четыре отдыха мне все же нужны...»

И даже появилось желание прилечь на диван, но еще больше хотелось подобрать имена двум новым героям. Тем самым приблизить их и начать чувствовать.

Пальцы Андрея ныли, и он принялся сжимать и разжимать их. Такое случалось часто и вовсе не от переутомления. Просто пальцы привыкли стучать по клавиатуре и сейчас нетерпеливо требовали продолжения этой музыки. Музыка, понятной только им. И ему.

Я пришла, откройте дверь

Андрей вернулся к столу и погрузился в глубокую задумчивость — в вязкую темноту, в которой жили обрывки фраз, обычные и странные имена, картинки кодряных ландшафтов, протоптанные дороги или непроходимые участки мрачных лесов. Так он сидел долго, собирая пазлы следующей главы, впитывая разговоры и шум деревьев, тянущихся к небу на чужой планете...

— Ваши сырники, — донеслось откуда-то издалека, и Андрей повернул голову на стук тарелки о столешницу.

— Спасибо, — автоматически ответил он и коротко вздохнул, расставаясь с литературными миражами. Аромат ванили влетел в нос, и сердце непонятно от чего заныло.

«Сейчас Нина уйдет, и я поем. Не хочу, чтобы она ловила мою реакцию и пыталась угадать, нравится мне этот завтрак или нет...»

Когда дверь закрылась, Андрей побарабанил пальцами по столу, безошибочно угадал местоположение вилки и отправил первый кусок в рот.

С вишней.

Сырники с вишней и сметанным соусом.

Точно такие же он ел лишь однажды. Давным-давно. В маленьком домике с заброшенным садом на берегу Черного моря.

* * *

Окна были распахнуты, и Андрей почувствовал это сразу, как только переступил порог гостиной. И он угадал легкую рябь штор, вызванную еле уловимым ноч-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ным ветром. Розы цветут. В августе их аромат всегда стойкий и с легкостью проникает в комнаты.

«Выпить кофе?»

Когда в сюжете появлялись вопросы, Андрей начинал бродить по дому, проходя километры туда и обратно. Первый этаж, второй, опять первый и второй... Он будто заводил внутри организма неведомый механизм, который разгонялся и рождал новый взрыв столь необходимого литературного непокоя. «Нельзя же так нервничать!» — часто восклицала Илона, наблюдая за этими странными хождениями. Но он не нервничал, он просто жил в меру своих возможностей. Если однажды ты проиграл битву писательскому таланту, то в твоей голове отныне и навсегда будут шелестеть страницы.

— Нина, ты же здесь? — произнес он ровно и резко повернул голову вправо.

— Да.

— Почему не спишь? На дворе ночь.

— Не знаю...

— Ты всегда разговариваешь так тихо?

— Нет.

Нина стояла около лестницы. И Андрей представил, как стремительно преодолевает расстояние в шесть-семь метров, берет девушку за плечи и приближает ее лицо к своему. Острая, почти болезненная, потребность сделать это неожиданно сжала сердце и обдала жаром.

— Я могу разглядеть человека только с очень близкого расстояния. И я хочу знать, как ты выглядишь. Ты позволишь мне проявить такое любопытство?

Я пришла, откройте дверь

Нина молчала, а Андрей пытался понять, что с ним происходит в последние дни?.. Несмотря на погружение в сюжет, он постоянно чувствовал присутствие рядом другого человека. Ее присутствие. И это при том, что сейчас женщины его не интересовали совершенно.

— Мне кажется... смотреть на меня необязательно... — Нина явно развернулась, чтобы уйти, но замерла, точно желала получить разрешение на это. — Вам что-нибудь принести?

«Сырники с вишней», — мысленно усмехнулся Андрей и подошел к окну.

— Нет, иди спать.

— Спокойной ночи.

Он стоял долго и неподвижно, глядя в черноту сада, и лишь смутно улавливал свет фонаря. Память рисовала берег моря, хрустальные брызги соленой воды, смех, шелест листвы, два стареньких шезлонга, две белые чашки на краю поцарапанного предыдущими жильцами пластикового стола и облупившийся забор, покосившийся под тяжестью дикого винограда. Пожалуй, если Андрей и был когда-то по-настоящему счастлив, то там... и тогда... С той женщиной, которая не могла задержаться в его жизни надолго, но каждый вечер, прижимаясь крепко, шептала: *«Завтра будет хороший день. Я верю в это»*.

— Спокойной ночи, — ответил Андрей, зная, что Нина все еще стоит около лестницы.

— Завтра будет хороший день, — дежурно, без тени эмоций произнесла она и добавила чуть громче: — Я верю в это.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Он сорвался с места, налетел на стул, отшвырнул его, сжал плечи Нины, развернул ее к себе, наклонился, уткнулся носом в макушку и втянул в ноздри незнакомый цветочный запах. Наверное, запах шампуня. Сердце колотилось бешено, и Андрей медлил, прежде чем сделать именно то, чего в эту минуту желал больше всего. У нее светлые волосы... Это он знает давно... Но какие глаза? Губы?..

Как и положено слепому, Андрей сначала прошелся по лицу Нины пальцами, а затем коснулся ладонями ее щек, приподнял ее голову и приблизился так, что дыхание девушки коснулось его лица. И как жадный пес, нашедший в лесу непонятную добычу — ежа или перепуганную насмерть мышшь, Андрей принялся «читать» каждый миллиметр кожи, изгиб переносицы, дрожь ресниц, родинку над правой бровью... И он это делал целую вечность, до тех пор, пока портрет не стал четким и ясным.

— Но... это не можешь быть ты... — прохрипел Андрей и отшатнулся, точно увидел привидение. — Кто ты?

— Я... Нина...

Судорожно вздохнув, она бросилась вверх по лестнице. Топот ног сливался с ударами его сердца и практически оглушал. Два человека не могут быть настолько похожими просто так...

— Кто ты?! — крикнул он и вцепился в перила.

Топот оборвался. Скрипнула ступенька. А потом раздался дрожащий голос:

— Я... ваша дочь... Извините... — Облако качнулось, зарябило, а потом растворилось в темном пространстве второго этажа.

Я пришла, откройте дверь

— Сколько тебе лет?! — Еще не до конца осознавая услышанное, Андрей интуитивно попытался отыскать хоть какую-то точку опоры в происходящем.

— Семнадцать... — долетело не пойми откуда и эхом зазвучало в голове.

«Андрей, ты превращаешься в сумасшедшего пилигрима, странствующего по вымышленным мирам, давным-давно потерявшего координаты и ориентиры! Каждый раз, когда я вижу тебя в таком состоянии, я задаюсь вопросом: а вернешься ли ты вообще в нашу реальность?..» — отчего-то вспомнились слова Марины. Может, он уже потерял рассудок? И все это... мираж?

* * *

Андрей встретил ее случайно на берегу Черного моря. Непокойные волны искрились на солнце, пенились, утюжили песок и оставляли после себя осколки мелких ракушек. Воздух казался соленым и вкусным, хотелось дышать полной грудью и получать удовольствие от этого продолжительного тет-а-тета с великой природой. Но дыхание Андрея сбилось, когда он увидел хрупкую девушку в тонком бежевом платье, украшенном кружевными воланами. Ветер растрепал ее длинные светлые волосы, брызги намочили подол, какая-то неведомая печаль сделала взгляд голубых глаз грустным...

— Сланцы унесло в море, — объяснила она, вздохнула и сморщила курносый нос. — Я отвернулась на секундочку, и их смыло волной. Так жалко... Я их только вчера купила.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Она сделала попытку убрать волосы от лица, и на пальце блеснуло тонкое обручальное кольцо. А уж потом Андрей заметил родинку над правой бровью.

Наташа. Белая чайка, выбравшая для полета нежности и любви море его жизни. Как хорошо было потом просыпаться вместе на скрипучей кровати, и чтоб лучи солнца непременно пробирались в комнату с раннего утра, и на завтрак — холодное молоко и мягкий белый хлеб или сырники. Тогда Андрей не был известным автором, но сюжеты уже мучили его, и он устремился на юг, чтобы погрузиться в писательскую работу. Снял весьма скромный домик, на большее попросту не хватило денег, и два дня просидел над прологом. Кто ж знал, что иногда музы выходят гулять на берег и волны бессовестно уносят их новенькие сланцы...

Поступив в родном Питере в институт, Наташа почти сразу вышла замуж за своего преподавателя. Он был старше на семнадцать лет и усиленно занимался наукой. И эти два факта неожиданно оказались губительными для юной неокрепшей души. Наташе не разрешалось приводить друзей (они слишком шумные), в ее сторону летела едкая снисходительность (кто ты и кто я?), довольно быстро пришлось научиться перечеркивать свои желания, и к двадцати трем годам Наташа признала, что совершила ошибку... Она бы ушла. При других обстоятельствах. Но у мужа было больное сердце, а она не из тех, кто толкнет к гибели или бросит на переправе. Вот только нужен был глоток воздуха, чтоб спастись самой, чтоб еще продержаться. И Наташа придумала для себя поездку на

Я пришла, откройте дверь

море. Именно море дает самое настоящее ощущение свободы...

Андрей не знал, что бывает так хорошо и больно одновременно. И когда утром разламывал вилкой сырник с вишней, приготовленный Наташей, он мысленно произносил: «Господи, спасибо... И помоги...» Одной минуты хватило, чтобы понять — это мой человек. Тот самый. Единственный.

Три недели счастья, а потом — слова и планы, которые разбивались вдребезги, оставляя порезы на душе. Хрупкая Наташа превращалась то в скалу, то в чайку, и на все уговоры звучал один ответ: «Нет, я не могу...» И однажды утром она ушла навсегда. Андрей видел застывшие в ее глазах слезы, и губы были сжаты так, что побелели...

Он злился.

Метался.

Ненавидел.

Молился.

Любил.

И жалел Наташу.

И еще в тишине маленьких комнат просил прощения за то, что так поздно появился в ее жизни.

* * *

Андрей не смел подняться на второй этаж. Ему казалось, что он и есть настоящий пилигрим, скитавшийся долгое время по разным мирам и однажды постучавшийся в дом, построенный неизвестно кем на границе прошлого и настоящего.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

В гостиной горел свет. И там, наверху, горела одна лампа. Как мало для него сейчас. Мало, несмотря на то, что давным-давно по этим комнатам его уверенно водят за руку память и обострившееся чутье. Андрею хотелось рычать, глядя на густую черноту второго этажа.

«Где она?.. Позову — не откликнется... Нет, не откликнется...»

Нервно сжав зубы, он шагнул на первую ступеньку и двинулся вверх по лестнице. На широком лбу выступили капельки пота, и рубашка прилипла к спине. Андрей привык к слепоте, но сейчас отдал бы очень много, чтобы видеть выражение лица своей... дочери. Ему была важна любая ее реакция на все. Но он не увидит.

«Сомневаюсь ли я, что Нина моя дочь? Нет... Тут не обошлось без Марины».

Горькая усмешка скользнула по губам, но потом Андрей понял, что больше не в силах медлить. Он рванул вверх и, как лев, потерявший в ночной саванне своего детеныша, принялся впитывать темноту с ее шорохами и еле уловимыми вибрациями воздуха. От волнения он забыл про кресло и врезался в него, чертыхнулся и устремился дальше, торопливо выстраивая в голове план комнат и схему расстановки мебели.

Она там. Рядом с библиотекой.

— Нина... — позвал Андрей, не слишком-то надеясь на ответ. Она наверняка напугана собственным признанием и теперь не представляет, что делать. Да и как он сейчас выглядит? Давно нормально не спал и не брился. И чего от него может ждать Светлое Облако, залетевшее без приглашения? — Нина...

Я пришла, откройте дверь

Дверь в эту комнату оказалась распахнутой, горел только ночник. Андрей болезненно прищурился и повернулся сначала вправо, а затем влево.

— Я здесь, — привычно тихо произнесла она. — Около шкафа.

— Пожалуйста, включи свет и подойди ко мне, — быстро произнес он и тут же добавил: — Нет, не надо... Пусть так...

Ему будет легче — да, но Нине — труднее. Она чувствует себя спокойнее, спрятавшись за ночные тени. Андрей сделал два шага к тусклому свету и остановился.

— Стул рядом с вами, — произнесла она.

— Он мне не нужен. — Теперь Андрей четко определил ее местонахождение и стало спокойнее. — Не бойся. — Он улыбнулся. — Я не такой страшный, как может показаться.

— Вы не страшный.

— Расскажи все, — попросил Андрей, не желая задавать вопросы. Он хотел просто слушать тихий голос, в котором звучали знакомые интонации, наполняющие душу приятным непокоем. «У меня есть дочь?..» Это невозможно было представить. Что стоят созданные им миры рядом с такой фантастикой?..

— А с чего начать?

— Неважно.

Но все же у Андрея был обжигающий душу вопрос, вот только задать его не хватало сил. «Наташа жива? Она жива? Скажи!»

— Муж мамы умер, когда мне было два с половиной года. Я не помню его... То есть я называла его папой...

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Наверное... Но... Я не помню. — Нина шумно вздохнула, подбирая слова. Она вовсе не была готова к такому разговору, и Андрей угадывал ее смятение и дрожь. — Мама сказала, что у меня другой папа, когда я пошла в школу. И еще она сказала, что у меня очень хороший папа, но он далеко... Я знаю, что у нее не было вашего адреса и номера телефона. — Последнее предложение Нина произнесла торопливо, будто желала оправдать всех и сразу. Сердце Андрея дернулось от боли, потому что дети всегда готовы на всепрощение, и слава богу, что сложное им кажется простым. — В шестнадцать лет я уговорила маму назвать ваше имя. Она не хотела... но у меня был день рождения... Наверное, поэтому она уступила. — Нина приблизилась к свету ночника и замерла. — Мама взяла с меня слово, что я никому об этом не расскажу и не стану искать встречи с вами...

— Почему?

— Потому что вы... знаменитый... — Голос Нины задрожал еще сильнее, и Андрей понял, что много раз она сожалела о том, что ее отец — известный писатель, а не юрист, водитель автобуса, программист или кто-то еще. — Но я нарушила слово.

«Наташа жива? Она жива? Скажи!»

— Как ты меня нашла?

— Я нашла не вас, а тетю Марину. Через соцсети...

«Тетя Марина! Да кто бы сомневался! Вернешься из Турции, и мы с тобой поговорим!»

— Давно?

— Полгода назад. Тетя Марина очень добрая. И вы не думайте... Я не обманываю. — Андрею показалось, что Нина шагнула вперед с отчаянием и надеждой. —

Я пришла, откройте дверь

Мы делали генетический тест на родство... на отцовство... Кажется, это так называется.

— И что тетя Марина? — спросил Андрей, улавливая приятный укол ревности. «Хорошо, что Маринка не поменяла фамилию после брака. И хорошо, что она пишет о моих книгах в соцсетях».

— Она сказала: «Ты моя племянница, и точка». Я приезжала в Москву несколько раз, и мне, конечно, очень хотелось познакомиться с вами, но я не могла... То есть... Я же маме слово давала. Конечно, я его нарушила... Но... Я запуталась... — Нина всхлипнула и сцепила руки перед собой. Андрей представил, как ее пальцы нервно сжались и наверняка побелели. — Первый раз я приезжала с классом на экскурсию почти на неделю, второй раз с бабушкой на дни открытых дверей в двух институтах... И мы встречались с тетей Мариной. Без бабушки, конечно... Я так мечтала поступить в университет!

— Поступила?

— Да. На бюджет. Филологический факультет. — И вот теперь голос звучал твердо. Будто Нина хотела добавить: «Я смогла. Понимаете? Я тоже многого добьюсь, и вы обязательно будете мною гордиться. Только подождите немного».

Проблемы со зрением давно обострили нервы и чувства, и Андрей знал, что безошибочно читает ее настроение и мысли. Как книгу читает. Книгу, написанную не им, а... Наташей.

— Какое сегодня число?

— Двадцать четвертое.

— Скоро учеба... Наверное, ты сказала дома, что уже можно переехать в общежитие?

ЮЛИЯ КЛИМОВА

— Да. Когда тетя Марина предложила пожить у вас, я так обрадовалась... Честное слово, я не собиралась ни в чем признаваться, я бы уехала, и все. Мне просто хотелось... побыть рядом с вами... узнать вас...

— Ну, тетя Марина у нас молодец, — усмехнулся Андрей и покачал головой.

— Пожалуйста, не ругайте ее. Я не могла признаться вам... Я маме слово давала... То есть... Я опять запуталась.

Помедлив несколько секунд, Андрей приблизился к Нине, вновь взял ее за плечи и на этот раз притянул к себе осторожно. Будто существовала большая вероятность, что юное создание действительно является облаком, способным ускользнуть сквозь пальцы или раствориться.

Андрей изучал черты ее лица внимательно. Невозможно забыть эти длинные ресницы, курносый нос, высокие скулы, родинку... И пару минут он был не здесь, в собственном доме за двадцать километров от Москвы, его отбросило в прошлое, туда, где искрится Черное море и старый забор мужественно держит на своих плечах дикий виноград...

Нина стояла неподвижно, давая возможность «прочитать» свое лицо. И наверное, этот процесс затянулся. Но Андрей, получая удовольствие от сходства дочери с Наташей, мечтал найти во внешности Нины что-то свое... Хоть что-то!

— Ты такая же красивая, как и твоя мама, — произнес он, сжимая худенькие плечи крепче.

И она улыбнулась. И он мгновенно поймал ямочку на правой щеке. Его личную ямочку!

Я пришла, откройте дверь

— Спасибо...

Отпустив Нину, Андрей вернулся к двери и попытался успокоиться. «Нужно взять себя в руки. Наверняка уже напугал ребенка...» Он сжал кулаки, а потом разжал пальцы, готовясь задать тот вопрос, который уже прожег душу насквозь.

— А твоя мама... Она...

— Мама в Питере. Мы живем на Большой Конюшенной. Может, знаете, где это?

— Да, знаю. — Андрей кивнул, прислонился спиной к дверному косяку, приподнял голову и закрыл глаза. Чернота стала гуще и глубже, она окутывала сознание и не давала возможности ни на что отвлечься. Андрей хорошо знал эту бархатную темноту. Она не имела ничего общего с отчаянием, болью, унынием или страхом. У нее было иное предназначение. Это был занавес. Как в театре. Именно эта темнота приходила всегда за несколько минут до того, как в голове рождался новый сюжет. Чья-то новая жизнь. Вот сейчас... Еще секунда...

Темноту пробил золотой луч, и Андрей втянул в легкие воздух, пытаясь удержать мгновенье. Удержать, разгадать и хорошенько запомнить. Затем он открыл глаза, повернул голову к Нине и с улыбкой произнес:

— Пойдем на кухню, сегодня я приготовлю тебе завтрак.

ЗАПАСНЫЕ КРЫЛЬЯ

*А к тебе приходит любовь?
Чтоб стрелки часов — в плаксивую грусть,
Чтоб не елось и не спалось,
Чтоб рифмы простуды до утра наизусть.
И немножко пахло жасмином, и немножко грозой,
И прохожий, летящий мимо,
Оборачивался и морщил нос:
«Так не бывает, вы лжете, играете, жуть!»
Но все же любовь,
И все же чуть-чуть —
Боязно, нестерпимо, свободно...
И больно в груди,
В пальцах рук и ног,
В шаге, в голосе, в сегодня и завтра —
На перекрестке сотни дорог,
От восхода и до заката...*

Книги не любят дождь, я это чувствую. И дело вовсе не в сырости. Чего бояться разрушительной влаги, когда ты стоишь на полке в тепле и твои бока подпирают бархатные или глянцевые собратья? Но при каждом ливне две улицы нашего села, конечно же, пустеют, и дверь библиотеки перестает призывно хлопать. И уже не звучат вопросы: «А есть что-нибудь новенькое?» или «А можно я еще раз Драгунского

Я пришла, откройте дверь

возьму?» Возможно, я ненормальная, но мне всегда кажется, что книги ждут, когда их начнут читать. И чтобы им не было обидно, я иногда пролистываю те экземпляры, которые уже давно не пользовались спросом. Обычно это многотомная классика, не попадающая в список школьной литературы.

Не думала, что стану библиотекарем, однако ветер перемен всегда прилетает неожиданно и, не спрашивая разрешения, меняет те судьбы, которые ему видятся... Скучными? Быть может. Хотя я никогда не страдала от тоски.

На побег из родного села решится далеко не каждая, а я вот собрала вещи и перебралась сюда — в Игнатьевку. Не так уж легко начать новую жизнь после развода в тридцать один год, но я справилась и сейчас ни о чем не жалею. Три месяца я прожила в городе у любимой тети, которая когда-то заменила мне родителей, за это время продала свой дом и купила такой же маленький, но уютный здесь. И с тех пор прошло два года...

«Слишком уж Ленка ровно спину держит, такое чувство, что гордыня ее обуяла», — любимое изречение нашей продавщицы Ольги Тимофеевны обо мне. А если о ком-либо сплетничают, значит, этот человек не пустое место. Он герой дня, месяца или года. Когда я об этом думаю, то еле сдерживаю смех и, направляясь в магазин, нарочно держу спину так, точно тело заковано в пуленепробиваемый корсет. Нет, я не стала в Игнатьевке своей, но сердца главных сплетниц уже не колотятся так часто, когда я появляюсь на горизонте. Мою прежнюю жизнь давным-давно перетерли в пыль, а новая — чиста и буднична.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Когда-то я полагала, что никто не узнает о моем прошлом (до малой родины теперь сто пятьдесят километров), но, похоже, правда и ложь в этом мире переносятся от дома к дому вместе с цветочной пылью. Хотя... достаточно какой-нибудь «любопытной Варваре» сделать один звонок, и ваша биография буквально засверкает на солнце. Особенно те ее части, которые хотелось бы скрыть.

Дождь усилился, и я пожалела, что так и не купила кофе. Сейчас он бы наполнил библиотеку ароматом, душу — теплом, и рука сама бы потянулась к Конан Дойлю. И день точно бы стал прекрасным.

Раньше я была учительницей начальных классов, и поэтому самые любимые посетители библиотеки — дети. И если учесть, что они приезжают еще из двух соседних сел, то работы хватает. В мои обязанности входит не только выдача и приемка книг, но и организация творческих занятий, проведение библионочей, презентации к памятным датам и праздникам, классные часы в школе, оформление стендов и выставок... И непогода, кстати, частенько помогает справиться с намеченными делами. Никто не отвлекает.

Дверь хлопнула, я обернулась и замерла, стараясь скрыть удивление. Но не так-то просто было удержать правую бровь, она предательски приподнялась и выдала чувства.

— Я принес книги. Хочу подарить библиотеке... Все равно на чердаке пылятся.

Только один человек на свете мог сделать это во время затяжного ливня — Семен Григорьевич Беляк по прозвищу Колдун. «Ты мимо него лучше не ходи,

Я пришла, откройте дверь

а то как зыркнет темными глазищами, так болезнь к тебе подлючая и пристанет. Он людей терпеть не может, а уж до чего злой и ядовитый... — рассказывала о Беляке Ольга Тимофеевна и, фыркнув, добавляла: — И принесла же к нам его нелегкая... Не было печали! Живет один, и никто-то ему не нужен. Машка года три назад подступиться к нему пыталась. Дура, конечно. А он только шурился и отворачивался. Не такая принцесса ему нужна! А был бы нормальным мужиком, уже б пироги по утрам с капустой кушал да ночами к теплему бабьему боку прижимался. И вообще... колдун он чертов, держись от него подальше! Колдун. Тьфу!»

— Добрый день, — быстро произнесла я, подошла к столу и автоматически принялась рассматривать посетителя.

— Добрый, — буркнул Беляк, неторопливо приблизился и опустил объемную сумку на пол.

И показалось, будто в этот момент дождь победил крышу, потолок и наполнил просторную комнату серебристыми струями и шумом. Потому что по длинной черной рыбацкой куртке Беляка все еще бежали наперегонки торопливые капли, и я машинально отследила их путь. Они падали на пол, образовывали крохотные лужицы, а те, в свою очередь, почти мгновенно превращались в серые пятна. Старый дощатый пол с давно стершейся краской хорошо умеет впитывать воду.

Семен Григорьевич откинул капюшон назад и остановил на мне тяжелый взгляд. Тот самый, который, если верить Ольге Тимофеевне, непременно должен был отправить меня в могилу.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Никогда.

Никогда ранее я не разговаривала с этим человеком.

И даже рядом с ним не стояла.

И этим вполне можно было объяснить мою заторможенность.

Хотя, с другой стороны, не каждый же день в гости приходят колдуны.

— Вы... принесли книги? — зачем-то уточнила я и покосилась на мокрую сумку. Очень хотелось добавить: «А вы уверены, что для этого подвига нужны именно такие погодные условия?» Но я сдержалась. Умирать категорически не хотелось. И, честно говоря, от этого взгляда в груди начал подрагивать тоненький нерв, и интуиция уже подсказывала, что быстро его не успокоить.

Если бы меня спросили, сколько лет Беляку, я бы расплывчато предположила: от пятидесяти до шестидесяти. Есть люди неопределенного возраста, застрявшие во времени, и это был именно такой случай. Седина уже давно окрасила виски Семена Григорьевича и запуталась в бороде, на лбу образовались четкие горизонтальные морщины, и вокруг глаз они тоже присутствовали.

«К нему неловко обращаться по имени, странно по имени-отчеству и невозможно по фамилии... Колдун — он и есть Колдун».

Однако я могла предположить, что Семену Григорьевичу все же нет пятидесяти лет. Очень близко — да. Но не пятьдесят. Он не сутулился, наоборот, возвышался около стола монолитной скалой, и нельзя было

Я пришла, откройте дверь

сказать, что этого высокого мрачного мужчину уж сильно потрепала жизнь. Нет.

И еще я угадывала у него некоторую внутреннюю силу. У людей и книг она бывает весьма значительной. Не у всех, конечно... И еще руки. А впрочем, есть нюансы, которые невозможно объяснить.

— Да, — сухо ответил он, наклонился, с легкостью расстегнул молнию сумки и вынул большой плотный целлофановый пакет, а из него уже извлек книги. И на столе мгновенно выросли две приличные стопки.

— Спасибо, — коротко поблагодарила я, мысленно радуясь. Тургенев, Чехов, Пушкин, Толстой... Школьная программа, и в довольно хорошем состоянии. Летом, когда к бабушкам и дедушкам на каникулы приезжают внуки, на эти книги значительно повышется спрос. И на всех не хватает.

Когда дело касается новых поступлений, библиотекари обычно превращаются в эгоистов. Как же захотелось, чтобы Колдун поскорее ушел и оставил меня наедине с этим богатством. Мне не терпелось узнать, сколько изданий с картинками я получила только что. То есть сказки Пушкина и Носов — да. А вот «Алые паруса», «Муму», «Сын полка» и другие — под вопросом.

— У меня еще осталось. Если нужно, принесу позже, — произнес Семен Григорьевич чуть недовольно, будто тяготился собственной добротой. На его лице безошибочно читалось: «Выбросил бы все к чертовой матери, но рука не поднимается». И показалось, будто в глазах Колдуна вспыхнул зелено-коричневый огонь... Вспыхнул и погас.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Теряя остатки уверенности, я вновь переключила внимание на книги. В библиотеке повисла тишина, и теперь отчетливо слышалось настойчивое тиканье настенных часов. Секундная стрелка уверенно шла по кругу и, похоже, посмеивалась над моим дурацким смятением.

— Очень нужно, приносите, — слишком эмоционально произнесла я и тут же отругала себя за несдержанность. Конечно, ничего страшного в моей жадности не было, но есть моменты, когда лучше не демонстрировать слабости. Так спокойнее.

Задержав дыхание, я кончиками пальцев коснулась корешка «Мастера и Маргариты», и в памяти мгновенно вспыхнули истории, рассказанные ранее Ольгой Тимофеевной. «Ветеринар он, видите ли... Корова у Потаповны уж подыхала, а он пришел, зыркнул, руками по ней провел, и та встала как миленькая! Такое только от связи с темными силами случается... Говорят, у него на груди татуировки дьявольские... Дети на реке заметили. Ходит вечно смурной, весь мир ненавидит... И к женщинам охоты не имеет, что тоже характеристика! Больше трех лет здесь живет точно затворник! Домой к себе никого не приглашает, небось ни одной иконы в угол не повесил... А прошлым летом с Катькой не сторговался из-за Вулкана, так неделю ее потом назнанку выворачивало и живот крутило. А кто ж такую хорошую собаку задарма отдаст? И все равно ж, зараза, купил позже, и новая цена его ни на секунду не остановила. А Катька, между прочим, прилично прибавила!..»

— Ладно. — Беляк развернулся и направился к двери. Я кивнула, прощаясь, и зачем-то принялась

Я пришла, откройте дверь

считать его тяжелые шаги. Резиновые сапоги чуть поскрипывали, половицы отвечали им тем же.

И только когда дверь закрылась, я заметила, что теперь в библиотеке пахнет сигаретами, костром и сыростью.

— Ольга Тимофеевна сказала бы, что эти запахи тянутся прямо из преисподней, — усмехнувшись, тихо произнесла я.

Не сдерживая порыв (сельские колдуны все же являются некоторой достопримечательностью), я устремилась к окну и в мрачной темноте приближающегося вечера сразу уловила тающую фигуру. Смотреть в спину безопасно, особенно когда знаешь, что человек не обернется.

К книгам я вернулась только после того, как приготовила чай. Теперь, наоборот, я оттягивала момент знакомства с ними, потому что всегда приятно продлить удовольствие.

Ожидания оправдались — больше трети произведений оказались с иллюстрациями. Я рассмотрела некоторые из них с нетерпением и радостью, а затем выдвинула ящик стола и достала перепачканную чернилами коробку со штампами. О, как же я люблю принимать книги! И спасибо дождю за то, что никто не будет мешать...

Сначала я проштамповала детские книги, а потом придвинула поближе стопку поменьше с литературными творениями для более старшего возраста.

«Отлично! «Женщина в белом» и «Лунный камень» под одной обложкой. Уилки Коллинза у нас вообще нет. Кстати, состояние весьма хорошее, только царапина под названием, но это пустяки. — Я сделала гло-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ток чая, убрала непослушную прядь за ухо, пролиставала страницы и... замерла. — Что это?»

Между страницами лежал старенький, пожелтевший листок в клетку (почти выцветшую), сложенный пополам. Бахрома левой стороны говорила о том, что когда-то его решительно вырвали из тетради. Не знаю почему, но руки дрогнули, будто я предполагала, что сейчас узнаю тайну, которую, быть может, мне и не положено знать. Чернила проступали сквозь бумагу, демонстрируя наличие текста, но еще не предлагали его смысл...

Метнув опасливый взгляд на дверь (никто же не застанет меня на месте преступления?), я осторожно раскрыла лист и в первую очередь обратила внимание на почерк. Быстрый, размашистый, угловатый, мужской... Прилагательные заскакали в голове, и на мгновение в глазах потемнело. А потом я стала читать.

«Это будет еще одно неотправленное тебе письмо. Пятое или шестое. Не помню... Неотправленное — звучит громко. Письмо всего-то нужно бросить в почтовый ящик на твоей калитке. Казалось бы, ерунда...

Я видел тебя сегодня. Издалека. А зачем подходить близко, если ты никогда не поворачиваешь голову в мою сторону? Нет, это не упрек. Даже не думай так. Это горечь. Самая обыкновенная горечь...

Как ты красива. Сегодня и всегда. Как ты красива...»

Внизу стояла дата, сообщающая о том, что письмо написано почти шестьдесят лет назад.

Медленно опустив листок на стол, я просидела неподвижно пару минут, а потом вновь пробежалась

Я пришла, откройте дверь

взглядом по строчкам. Ничего особенного... Чего я только не находила в книгах! И фотографии, и вырезки из журналов на тему «Как приворожить мужчину без последствий» или «Как посолить скумбрию», и высушенные листья кленов, дубов и берез, и старые деньги, и перо волнистого попугая, и билеты на электричку, и аккуратно написанные молитвы...

— Ничего особенного, — прошептала я, уговаривая себя отложить письмо в сторону и продолжить довольно приятную работу. Но воображение уже рисовало хрупкую девушку на краю поля и высокого мужчину на пыльной дороге, убегающей от села к лесу. Или где он увидел ее в тот день?

* * *

Утро я провела в школе, и поэтому настроение было отличное. Кажется, я уже давно с таким вдохновением не рассказывала детям про Ахматову, уж не знаю, что на меня нашло. Погода налаживалась, тучи устремлялись к северу, прохлада осени влетала в легкие и наполняла организм бодростью. Чего еще желать?

«Пожалуй, час уединенной тишины мне бы не помешал».

И я свернула к магазину, надеясь, что Ольга Тимофеевна не станет сегодня ворчать и не обрушит на меня очередную порцию домислов и сплетен. Я собиралась купить кофе, кекс с изюмом и устроить себе маленький обеденный пир в библиотеке.

Я бы соврала, если сказала, что произошедшее вчера не тронуло душу. Засыпала я с трудом, память

ЮЛИЯ КЛИМОВА

постоянно поднимала на поверхность строки письма и не давала переключиться на что-то другое. Я всегда верила в настоящую любовь — искреннюю, светлую, добрую и необыкновенную, но сама не испытала этого чувства. Не повезло, наверное. И эти летящие строки неожиданно стали подтверждением того, что Великая Любовь существует. Конечно, можно напридумывать и плохое, и Ольга Тимофеевна, например, так бы и поступила. «Да писал он ей, чтоб в постель затащить. Все мужики одинаковые! Наплел кружева, сладкие слова стопочками уложил, посмеялся и бросил потом все письма разом в почтовый ящик. Чтоб, значит, дороги назад у нее не было. Чтоб не отвертелась!» Скорее всего, Ольга Тимофеевна отреагировала бы на мою находку именно так. Если, конечно, прочитала бы послание. Но я чувствовала совсем другое. Каждое слово сияло правдой и вызывало странный непокой. И было приятно, что я стала свидетелем (можно ли так сказать?) чьей-то столь трогательной любви. И я очень надеялась, что та любовь была ответной.

Не получалось уснуть еще из-за того, что я никак не могла решить: возвращать письмо Колдуну или нет. Если бы речь шла о любом другом жителе села, я бы вернула. Мало ли, может, это писал родственник или близкий человек... Но я не хотела приближаться к Семену Григорьевичу. Приблизиться — означало вновь испытать мучительную неловкость. И я была уверена, что он не поймет подобного поступка. Наверняка письмо для него будет лишь ненужной бумажкой. Тяжелый и мрачный мир всегда проплывет мимо хруп-

Я пришла, откройте дверь

кого и чуткого мира. Проплывет, даже не заметив. Так к чему эти метания?

Магазинчик у нас небольшой, и первое время я удивлялась, как в этих четырех стенах помещается так много товара. Стоит чего-то захотеть, и взгляд всегда волшебным образом находит желаемое на одной из полок. А уж где стоит кофе — мне давно известно.

— Чего это к тебе Колдун вчера приходил? — вместо приветствия произнесла Ольга Тимофеевна и замерла, нетерпеливо ожидая ответа. Ее маленькие глазки просверлили во мне две дырки и прищурились. Но на губах играла масляная улыбка. Ольга Тимофеевна умеет заманивать жертву в сети. — Я герань поливать собралась, глядь в окно, а он в библиотеку идет. Да еще с сумкой!

— Семен Григорьевич книги принес, — без тени эмоций ответила я и пожала плечом, мол, дело обычное. Прихватив с полки банку быстрорастворимого кофе, я развернулась и встретила настороженный взгляд. — А кексы сегодня привозили?

— Поди ж ты! — всплеснула руками Ольга Тимофеевна. — Книги он принес! И чего это на него доброта такая несусветная напала? А ты проверила? Не вредные они? — Ее голос стал тише, а пышная грудь заколыхалась от негодования и волнения. — Ты странички-то пролистни, вдруг там знаки какие нарисованы или картинки есть пагубные и призывные... И где он литературу эту взял? Произведения какие?

— В основном классика и школьная программа, — сохраняя спокойствие, пропитанное равнодушием, ответила я и поставила на прилавок банку кофе. Я знала,

ЮЛИЯ КЛИМОВА

что нельзя давать ни одного повода для дополнительного вопроса, и собиралась улизнуть из магазина как можно скорее.

— Кексы в ящике на подоконнике, не разложила я их еще... А классика у него от постояльцев, наверное, осталась. Столько годков дом сдавали! Летом-то желающих много. И надо же, бесплатно принес. А ты меня вот послушай... Чужак — он и есть чужак! Хорошего от него не жди! Да и кто книги в дождь носит? Я вот сразу неладное почувствовала... Заколдованные они, выброси их лучше! — Ольга Тимофеевна перекрестилась и быстро застегнула пуговицы на вязаной кофте, точно так существовала большая вероятность того, что ничто дьявольское к ее душе не проберется.

— Я тоже чужак, — не сдержавшись, произнесла я, вспоминая ту ночь, которая изменила мою жизнь раз и навсегда. Наверное, надо было смолчать, но справедливость вытащила из меня эти слова.

— Ты уже давно своя, — дернула полным плечом Ольга Тимофеевна и, пользуясь случаем, приторно добавила: — С мужем тебе, девонька, не повезло, но с кем не бывает. Однако, с другой стороны, надо быть покладистой и терпеливее. Больно умная ты, а какому мужику это понравится?

— Нормальному, — ответила я и быстро положила деньги на прилавок. Без сдачи.

Покидая магазин и спускаясь по трем ступенькам, я догадывалась, какие эпитеты летят мне в спину. Но это ничуть не задевало, совсем другое заставляло идти быстрее и нервно кутаться в шарф — холод. Колочий, внезапный и такой знакомый... Как той ночью.

Я пришла, откройте дверь

Глупо выходить замуж из-за одиночества и возраста, но я совершила эту великую ошибку. Да, у кого-то Великая Любовь, а у кого-то Великие Ошибки...

Я мечтала о семье и детях и хотела состариться рядом с добрым и чутким человеком. И моего романтизма вполне хватало на то, чтобы представить, как немного позже вспыхнет от чувств сердце, как оно будет счастливо колотиться утром, днем, вечером и ночью. Любовь — это забота. И она непременно родится и окрепнет, если...

«...если останешься жива», — мысленно усмехнулась я и дернула ручку двери библиотеки.

С Ильей мы начали сближаться весной. Мне исполнилось двадцать пять лет, пели птицы, цвели яблони, и завуч — милейшая Антонина Петровна — постоянно нашептывала: «Да сколько ты еще в девках сидеть будешь...» И можно сказать, что я слегка влюбилась. Это такое ощущение, когда каждый день становится особенным и не понятно отчего. То ли от неожиданно купленного платья, то ли от не менее неожиданного: «Ленка, поехали в город, в кино ходим».

Я не погружалась в пучину восторгов, не краснела и не бледнела, но я мечтала, улыбалась и все чаще и чаще замирала перед зеркалом с уверенностью, что смогу сделать Илью счастливым. И когда мы поженились, я с головой окунулась в семейную жизнь, получая удовольствие от нового для меня мира. И я скучала, когда Илья задерживался на работе, и училась печь пироги, чтобы тесто непременно было пушистым и поднималось до неба... И читала исключительно любовные романы, сверяя свои чувства с чувствами глав-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ных героинь. А было что сравнивать, душа наполовину уже превратилась в розовое облако, но...

Через год мать Ильи традиционно зашла в гости. Проходя по комнате и проверяя наличие пыли на полках, она произнесла как бы между прочим:

— Я на внуков надеялась, но Илья от тебя детей не хочет. Прилипла ты к нему, вот он и женился. А мне что прикажете делать? Позор сплошной.

— Как это?..

— Хотя он правильно поступает. Чего плодиться, если другая в любой момент приглянуться может. С детьми-то из семьи легко не уйдешь, алименты платить надо, да еще всем объяснять, почему так вышло. А у нас государство какое? Никто ж на сторону отца не встанет, все сочувствие обычно достается матери. Что смотришь? — Она смерила меня едким взглядом с головы до ног. — Больно непростая ты, видно, этим сына моего и зацепила. Но одно дело покорить гордичку, а другое — жить потом с ней под одной крышей.

Она ушла, прихватив половину пирога с капустой, а я села у окна и принялась ждать мужа. Нам было о чем поговорить.

Да, он не хотел торопиться с детьми...

Но... все в порядке и «не слушай мою мать».

Много ли надо для надежды?

Совсем чуть-чуть.

Наши отношения были то хорошими, то плохими, и я замечала, что со временем периоды радости заметно сокращаются, а ссоры растягиваются на недели и потом еще тащат за собой напряженную тишину. Через два года я уже не торопилась домой, предпочитая задержи-

Я пришла, откройте дверь

ваться в школе допоздна. И тесто для пирогов больше не поднималось на кухне, а разговоры о детях всегда заканчивались скандалом. И не знаю, отчего (может включалась интуиция) я начала вздрагивать. Без особых причин. Хлопнула дверь, звякнула вилка, гроыхнули сапоги, или мелькнула тень за окном...

В ту ночь я впервые озвучила то, что не давало покоя последние месяцы:

— Нам нужно расстаться, ничего хорошего уже не получится.

Я отлично помню выражение лица Ильи, ту ненависть, которая обрушилась на меня погибельно и мгновенно. Честно говоря, я не сразу поняла ледяную и в то же время обжигающую до костей реакцию мужа. Разве я не лишняя в этих стенах? Разве все не вздохнут с облегчением, если я соберу вещи и вернусь в свой маленький домик?

Но объяснение было простым, и оно пришло довольно быстро: я не имела права разводиться, такое право, как оказалось, было только у Ильи. Уязвленное самолюбие превратило его в озлобленного волка, клацающего клыками и желающего расправы над непокорной.

— Развестись со мной хочешь?.. — прошипел он и медленно поднялся со стула. — Чтоб потом на каждом углу рассказывать, как бросила меня и отправилась искать другого мужика?

Круглое лицо потемнело, желваки задержались от злости, кулаки сжались. Пожалуй, таким Илью я не видела никогда. Я бы могла сказать, что из волка он трансформировался в ураган, который собирался со-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

гнуть и сломать все ветки в радиусе десяти километров, но это слишком поэтичное сравнение для такого ничтожного человека...

— Мне никто не нужен.

— Ты будешь жить со мной до тех пор, пока я этого хочу! — Отшвырнув стул, Илья рванул в мою сторону и замер перед столом. На мне была ночная рубашка, но, несмотря на это, я неожиданно почувствовала себя голой. И будто меня разглядывает незнакомый мужчина... — От тебя никакого толка! Тошная, как селедка... И мнение, видите ли, у нее на все имеется! — Илья гневно сверкнул глазами и прищурился, будто размышлял, что со мной сделать: превратить в пепел или просто растоптать. Его щеки пылали от злобы, губы презрительно кривились. — Да что я, себе нормальную бабу не найду?..

— Вот и отпусти меня, — произнесла я старательно ровно, понимая, что достаточно одного неверного слова и... Нет, я не представляла, чего ожидать.

— Говорила мне мать не смотреть в твою сторону, так не послушался! Отпустить? Не-е-ет... — протянул Илья. — Я свое никому отдавать не собираюсь! Обломать тебя надо было с самого начала, чтоб смотреть так не смела!

«Любить меня надо было с самого начала... Вот что нужно было делать!» — пронеслась в голове упрямая мысль, и я внутренне напряглась, стараясь не сорваться на крик.

— Если во мне нет ничего хорошего, то и давай...

Договорить не получилось. В долю секунды Илья оказался рядом и схватил меня за плечо так, что ноч-

Я пришла, откройте дверь

нушка съехала и завязанные бантиком ленточки вре-
зались в горло. Если ваш муж — демон, то лучше оде-
ваться иначе. Хотя бы тогда, когда собираетесь с ним
расстаться.

Беспомощность — это больно.

— Заткнись! — рявкнул он, окатил меня продолжи-
тельным матом и поволок в сени. Тапочки соскочили
с ног, локоть ударился об угол шкафа, заковка упала
на пол, и волосы рассыпались по плечам.

— Пусти меня, пусти! — Я сделала попытку вы-
рваться, но не получилось. Хватка стала железной,
и шансов на спасение не осталось.

Позже я долго думала, пытаюсь понять, за что же
муж меня так ненавидел? Я точно не совершала ничего
плохого и искренне старалась быть примерной женой.
И ответ нашелся лишь один: Илья не мог мне про-
стить внутренней силы и образования. Я бесконечно
раздражала его, как ветер раздражает гибкая былинка
на поле.

Принимать реальность такой, какая она есть, или
подниматься выше Ильи не собирался, а значит, оста-
вался лишь один выход — нужно было толкнуть меня
вниз... И посильнее.

Он вышвырнул меня из дома с ненавистью, будто
я была ведьмой, заслуживающей смертельный ко-
стер. Больно ударившись бедром об лед, припоро-
шенный снегом, я зажмурилась и чудом сдержала
слезы.

Поздний январский вечер.

Тишина.

Хочу ли я, чтобы о происходящем узнало все село?..

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Да как жить здесь после этого?

— Не забудь постучаться, когда мозги и задницу отморозишь! — с усмешкой бросил Илья, явно чувствуя себя победителем.

А потом дверь захлопнулась.

И я знала, что одного стука будет недостаточно. Мне придется умолять. Он хочет именно этого. Моего унижения. Слез. Отчаяния.

И вот тогда ко мне пришел холод, тот самый — циничный, жестокий, ужасный. Стоило подняться и выпрямиться, как пальцы ног проткнули невидимые иголки, шею будто сжали ледяные тиски, тонкая ткань ночной рубашки превратилась в жесткую и шершавую кору старого дерева, по спине медленно пополз страх...

Мне негде было спрятаться. Ключи от бани всегда висели на гвозде в сенях, и даже если разбить маленькое окошко, я в него попросту не пролезу. В него и ведро-то не влезет, не то что я.

Есть еще сарай, но он не сможет спасти от зимы.

Я могла постучаться к соседке слева — Зое Васильевне. Но она лучшая подруга моей свекрови...

Я могла метнуться к соседу справа — Кузьмичу. Но он всегда рыбачит с моим мужем...

А напротив живет очень хорошая семья с двумя дочками. Старшая — Маришка, моя ученица...

Это только кажется, что ночью в селе все спят. Нет. В окнах подрагивает тусклый свет, и стоит сделать десять шагов по дороге, как завтра все будут знать о том, что Илья вышвырнул меня на мороз лишь в ночной рубашке. Как мне потом пойти в школу? Как пере-

Я пришла, откройте дверь

шагнуть порог класса? Как встретить взгляды коллег и учеников?

Муж знал, что делает. Он был уверен на сто процентов, что получит долгие извинения и продолжительную покорность. Но если ваша душа сплетена из ивовых веток, не ломающихся под натиском ветра, то вы не устремитесь к ступенькам, опустив голову. Вы тихо скажете себе: «Я не сдамся...» — и примете очень трудное решение.

Мне хотелось утонуть в жалости к себе. Бесконечно хотелось! Вон же горит свет в окне и там тепло! Но... я должна была совершить то, что раз и навсегда перечеркнет прошлую жизнь и позже не позволит проявить слабость. Я должна была лишиться себя возможности остаться с этим человеком...

Мой родной дом находился на другом краю села. И спасение было именно там.

Развернувшись к калитке, осторожно наступая босыми ногами на лед и снег, я двинулась к дороге, позволяя холоду пробраться к костям и сердцу. Я шла вперед, как очнувшееся от долгой спячки привидение, как человек, которому уже нечего терять. И я чувствовала на себе взгляды из окон. Что ж, смотрите, я иду открыто как раз для того, чтобы все узнали о моем позоре, чтобы у меня не осталось выбора.

Ключ на гвоздике под наличником... только руку немного просунуть нужно... но пальцы не слушаются...

— Я дошла, все будет хорошо, — прошептала я, дрожа всем телом. И в груди уже билась надежда, а что может быть сильнее ее?

ЮЛИЯ КЛИМОВА

* * *

Кексы с изюмом имеют удивительную способность успокаивать. Будто в тесто вместе с мукой всегда кладут частичку солнечного дня, тишину ухоженного сада и легкий, убаюкивающий шелест деревьев. Хотя, быть может, на меня так благотворно влияет тонкий аромат ванили, который обязан присутствовать в сладкой выпечке.

Отрезав кусочек, я поднесла его к носу и улыбнулась. Да, ваниль — это сказка.

Приготовив кофе и сделав пару глотков, я посмотрела на стеллажи, размышляя, какое произведение почитать бы сейчас. Но дверь хлопнула, и я обернулась...

Конечно, Семен Григорьевич Беляк обещал принести книги, однако я не особо надеялась, что он это делает. И когда наши взгляды встретились, я медленно опустила чашку, поднялась со стула и замерла.

— Приятного аппетита, — дежурно произнес он и приблизился к столу.

— Спасибо.

Колдун был одет точно так же, как и в прошлый раз, только рыбацкая куртка была расстегнута, и дождевые капли не стекали по ней на пол. Отчего-то я вспомнила слова Ольги Тимофеевны о том, что на груди Семена Григорьевича присутствуют дьявольские татуировки, и на пару секунд мне даже стало интересно, что там изображено. Но, конечно, задать такой вопрос Беляку я не могла. Во-первых, это не совсем прилично, во-вторых, мне бы не хватило наглости и смелости,